ЕВГЕНИЙ КОЖЕМЯКИН
dva@bel.ru

ДИСКУРСНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРЫ

По мнению И.Т.Касавина, привлечение исследовательского внимания к дискурсной проблематике (в первую очередь – понятийно-терминологической) связано, главным образом, с индивидуализацией языковой коммуникации, «когда тексты начали избавляться от анонимности и вставал вопрос об их генезисе в процессе личного творчества» (Касавин, И.Т. 2006. - С.7), то есть в эпоху Возрождения. Этимологически термин «дискурс» восходит к латинскому «discurrere», что означает «обсуждать», «вести переговоры», и именно в таком значении он активно использовался в науке XVI-XVIII веков (Cavalcanti, B. La retorica (1569); Machiavelli, Niccolo. Discorso sopra il riformar lo Stato (1540); Descartes, Rene. Discourse de la methode (1637); Galilei, Galileo. Discorsi e dimostrazioni matematiche intorno a due nuove scienze (1638); Boyle, Robert. A Discourse of Things above Reason (1681); Leibniz, Gottfried Wilhelm. Discours de Metaphysique (1686); Rousseau, J.-J. Discours sur les sciences et les arts (1750).). Дискурс становится синонимом аргументированной научной речи, направленной на изучение природы вещей и общества; этот термин интерпретируют как рассудочное, целенаправленное и предметно-ориентированное обсуждение научных проблем. Иными словами, в эпоху Возрождения дискурс предстает как план выражения научного поиска и исследовательского процесса. Дискурс, что особенно важно в контексте нашей работы, увязывается с правилами, принципами и нормами рассудочной (или – рациональной) деятельности; иначе говоря, дискурс уже в Новое время трактуется как нормативное и нормирующее образование.

Несколько позже такая трактовка и такое понимание дискурса побуждает некоторых исследователей к его «догматизации»: как отмечает Касавин И.Т., «в этом контексте историческая миссия дискурса состояла в создании функционального эквивалента божественному откровению» (Касавин, И.Т. 2006. - С.7.).

«Дискурсивным» стало называться такое систематическое, рассудочное, аналитическое мышление, которое последовательно делает познаваемым предмет изучения (Р. Декарт). Дискурсивное мышление полагается в противоположность синкретическому мышлению и интуиции. В работах Канта и Гегеля «дискурсивный» становится оппозицией по отношению к «интуитивному»: Кант (Кант, И. 1964. - С.68-756.) противопоставлял дискурсивную ясность понятий, достигаемую посредством рассуждений, интуитивной ясности, достигаемой посредством созерцаний; Гегель (Гегель, Г.В.Ф. 1959. - С.35.), понимая дискурсивное мышление как формальное и рассудочное, противопоставлял его спекулятивному мышлению.

Что касается формально-коммуникативной стороны, дискурс полагался как монологическое образование, имеющее такие способы выражения, как письмо, научный трактат, структурированная научная речь. Это представление возникает

вследствие следующей логики: поскольку рассудочное мышление предполагает постоянную актуализацию саморефлексии и интроспекции, дискурс «замыкается» на себе самом в том понимании, что не предполагает «внешних» речевых или мыслительных стимулов для дальнейшего саморазвития и саморазворачивания. Дискурс представляется как самодостаточное явление, хранящее в себе весь необходимый потенциал для своего воспроизводства. Именно в такой интерпретации («дискурс как монолог», «дискурс как саморефлексия», «дискурс как система») он противопоставляется разговорной речи или повседневным диалогам.

В XVIII в. понятие дискурса дополняется представлением о нем, как о преимущественно эссеистском образовании: подобное уточнение связано именно с тем, что интроспекция полагалась неотъемлемой и специфицирующей частью дискурса, а интроспекция и саморефлексия предполагают относительно свободное выражение рассуждений, сколь уж речь идет об обращении к глубинному содержанию предмета исследования и внутренним структурам исследовательского процесса. Таким образом, дискурс и научный трактат эссеистского типа сосуществуют друг с другом в качестве не просто синонимических понятий, но, скорее, как содержание и форма.

Однако, в XIX в. эссеистский стиль научной устной и письменной речи постепенно заменяется точным стилем описания. Представление о науках как о формализованной деятельности, жесткая ориентация на «натуралистское» истолкование действительности, образ истины как феномена, поддающегося количественному измерению – всё это изменяет требования к форме выражения и презентации научных результатов. Отныне наука не допускает «свободного» (пусть даже в высшей степени рассудочного и интроспективного) выражения научной мысли, каковым является дискурс в том его понимании, которое было распространено в предшествующих столетиях. Как следствие, категория дискурса либо вымещается в область эстетического, либо подвергается попыткам понятийной трансформации – в понятие дискурса привносится формально-логические, терминологические и понятийные параметры.

Вышеупомянутое «расщепление» сферы использования термина «дискурс» крайне важно для понимания того многообразия в его дефинициях и того спектра подходов его изучения, которые возникли и интенсивно развились в двадцатом веке. Еще раз подчеркнем: в XIX веке в силу модернизации науки и исследовательского процесса понятие дискурса начинает сосуществовать одновременно в двух сферах. В области точных наук дискурсом обозначают корректное в формально-логическом отношении, систематичное и целенаправленное научное мышление, а в области эстетики и литературы (в области будущих гуманитарных наук) – интроспективное, рассудочное, «свободное» выражение мысли, не обязательно носящее научный характер. «Нормативность» сохраняется за категорией дискурса как одно из его ключевых (наряду с языковым способом существования, монологичностью, рассудочностью) свойств: в формальных и эмпирических естественных науках под нормативностью дискурса понимается система формально-логических правил и методологических принципов, в области эстетики и литературы – система риторических и эстетических фигур.

Итак, в классической парадигме под дискурсом понимается практика мышления, характеризующаяся последовательностью, логичностью и развертыванием в понятиях и суждениях. В неклассических и постнеклассических парадигмах объем этого понятия в значительной степени меняется.

В конце XIX – первой трети XX века интерес к дискурсной проблематике вновь возрастает в связи с развитием аналитической и лингвистической философии. Проблема языка занимает ключевое место в работах Г.Фреге, Ч.Пирса, Л.Витгенштейна, Ч.Морриса и других. Термин «лингвистический поворот», с помощью которого принято описывать ситуацию, сложившуюся на тот момент преимущественно в философии, имеет отношение к смещению исследовательского акцента с метафизики сознания и картезианского cogito на проблему языка как предельного онтологического основания мышления и деятельности. Формула «язык – царство бытия» становится знаковой для лингвистически ориентированных исследований того времени. Однако, сам термин «дискурс» не используется широко в работах философов, и его содержание не подвергается трансформациям, на наш взгляд, именно в силу активного переосмысления базовой категории – языка, который начинает трактоваться как предельное онтологическое основание мышления и деятельности.

Во второй половине XX века ситуация с дискурсной проблематикой кардинально меняется: дискурс становится одной из ключевых категорий научного анализа, а также предметом специальных исследований в области целого ряда дисциплин. С одной стороны, интенсификация и диверсификация теорий дискурса вызвана тем, что происходит «дробление» человековедческих наук на более специализированные дисциплины: появляются такие науки, как этнография, социолингвистика, социальная психология, историография, психосемантика, социальная антропология и так далее. С другой стороны, сам многоаспектный и многоуровневый предмет дискурс-анализа (то есть сам дискурс) предполагает разработку некоторой междисциплинарной методологической программы. Дискурс, перейдя из области эпистемологических в сферу онтологических категорий, начинает трактоваться не только как более или менее автономный лингвистический феномен, но как основа и условие существования любой культуры, и, следовательно, его изучение предполагает консолидацию усилий и потенциалов различных отраслей научного знания. И, наконец, в значительной степени интенсификация дискурсных исследований связана с трансформациями в лингвистических теориях, а также со становлением и развитием семиотики как специализированной области знания. В совокупности эти процессы оказали огромное влияние на развитие современных социально-гуманитарных наук, философии и культурологии, поэтому обратим на эти изменения в области лингвистики особое внимание.

Начало экспансии (а также – ре-интерпретации) термина «дискурс» в гуманитарных науках XX века связывается с работой бельгийского лингвиста Э. Бюиссанса, вышедшей в 1943 году и озаглавленной «Об абстрактном и конкретном в лингвистических фактах: речь, дискурс, язык» (Buyssens, E. 1943.

P.17-23.).

Бюиссанс расширяет классическую бинарную оппозицию «язык – речь» за счет введения нового элемента – *дискурса* – под которым понимался своего рода «проводник», «медиум» между абстрактной знаковой системой и живой речью; иными словами, в этой оппозиции дискурс трактовался как механизм актуализации языка в естественной коммуникативной ситуации, результатом чего являлось развертывание речи. Однако, вплоть до конца 60-х годов понятие «дискурс» в широком академическом употреблении не выделяется в отдельную категорию и зачастую используется в качестве синонима понятий «текст», «речь» и даже в ряде случаев понятий «коммуникация» и «язык». Этому способствует возникновение и развитие семиотики как общей теории знаковых систем и, в частности, ее успешные попытки расширить представления о языковых формах. Согласно семиотическим представлениям, формы существования языка многообразны и включают в себя как вербальные, так и невербальные репрезентации: язык проявляет себя и в графическом изображении, и в вербальном тексте, и в телесных жестах, и в иных знаковых формах.

Ролан Барт (См., например: Барт, Р. 2001.) утверждал, что семиотический проект предполагает изучение «больших значащих единиц», к которым относятся тексты и дискурс, понимаемый им как синтетическое и интегрирующее транстекстуальное образование, обладающее такими свойствами, как функциональность, процессуальность, актуальность. Транстекстуальность дискурса указывает на сложность его организации: помимо очевидных языковых элементов дискурс включает в себя, например, психологические (мотивы, интенции, потребности), социальные (роли, статусы, интеракции) и прочие элементы. Пожалуй, именно семиотическая трактовка дискурса сделала возможным понимание его как важнейшего аспекта культуры или – как важнейшей формы ее существования. В этом его понимании категория дискурса вскоре составит конкуренцию категории текста в отношении трактовки культуро-конструирующих функций.

В 70-х годах XX века происходит спецификация категории дискурса в научных исследованиях на фоне коррелирующего с ним понятия «текст»: либо дискурс интерпретируется как способ актуализации текста (в этом отношении семиологии приводят аналогии с другой логической парой – «предложение – высказывание»), либо текст и речь трактуются как аспекты дискурса. В первом случае – признавая факт первичности текста по отношению к дискурсу – изучение дискурса предполагало исследование преимущественно динамической формы существования текста, а сам анализ приобретал черты формально-функционального исследования. Во втором случае – признавая факт первичности дискурса по отношению к тексту – исследовательские проекты были ориентированы на довольно широкую предметную область – фактически в нее попадало любое действие с использованием языка и речи.

Такое парадоксальное понимание содержания понятия «дискурс» приводит к тому, что к концу 70-х годов XX века окончательно формируются и бурно развиваются несколько относительно независимых направлений и школ дискурс-анализа, среди которых наиболее влиятельными и продуктивными являются следующие: а) французская школа дискурс-анализа (М. Пешё, П.

Анри, Ж.Ж. Куртин); б) теория речевых актов (Дж. Остин, Дж. Р. Сёрль, П. Коул и др.); в) конверсационный анализ (Г. Сакс, Э. Щеглов, Г. Джефферсон и др.); г) Бирмингемская школа дискурс-анализа (Дж. Синклер, М. Кулхард и др.); д) социолингвистика (Дж. Фишман, С. Эрвин-Трипп, У. Лабов и др.); е) критический дискурс-анализ (Т.А. ван Дейк, Р. Лаков и др.). Подчеркнем, что все вышеперечисленные школы либо представляли и представляют собой ярко выраженные лингвистические течения (например, Бирмингемская школа или конверсационный анализ), либо демонстрировали попытки интегрировать лингвистические концепции в другие науки – в философию (французская школа дискурс-анализа), в социологию (социолингвистика), в политологию и семиотику (критический дискурс-анализ) и так далее.

Лингвистические школы объединяет то, что они традиционно в качестве важнейшей структурной единицы дискурса рассматривают его тематическое ядро, топику. С точки зрения *лингвистики* организация смысла в дискурсе, а также его спецификация определяется не целью, не контекстом, не исследовательской проблемой, а непосредственно темой, которая трактуется как динамическое образование – она развертывается в ходе дискурсивной практики. Тема в свою очередь трактуется не просто как коммуникативно-речевое образование, но как социокультурный феномен: за различными культурными ситуациями, практиками и сообществами закреплен определенный «реестр» тем. Иными словами, реализация дискурса трактуется лингвистами как формально-функциональный процесс, но обусловленный конкретными культурными условиями.

Акцент на динамической стороне дискурса, а также на первичности дискурса по отношению к тексту является одним из ключевых аспектов в трактовке дискурса в *теории коммуникации*: дискурс здесь понимается как коммуникативное действие, в ходе которого продуцируются и артикулируются тексты (См., например: Кашкин, В.Б. 2003.).

Дискурсная проблематика, инициированная лингвистами, затронула даже область исторической эпистемологии: анализ специфики исторического дискурса был комбинирован с семиотическим подходом, что в итоге привело к разработке лингвосемиотической *концепции дискурса как нарратива (*Р.Барт, Х. Уайт, Ф. Анкерсмит). Согласно этой концепции базовыми компонентами дискурса, в частности по Уайту, являются типы сюжетопостроения (Таких типов выделяется четыре: романтический нарратив, трагедия, комедия и сатира. Основанием для такой классификации является характер архетипа, лежащего в основе повествования: это, соответственно, победа добра над злом, гибель победившего героя, эпизодические победы при невозможности конечного триумфа, триумф мира над человеком.), стратегии аргументации (Основными типами дискурсивной аргументации Уайт называет формизм, механицизм, органицизм и контекстуализм.) и идеологические импликации (к идеологическим импликациям (стратегиям) Уайт относит анархизм, радикализм, консерватизм и либерализм.). Все три компонента дискурса соотносятся между собой, специфицируя тот или иной дискурс. Однако, данный подход к анализу дискурса, несмотря на свою кажущуюся завершенность и последовательность, все же не смог выполнить роль «жесткой» структурной модели дискурса,

ограничив свои возможности изучением нарративных историко-политических текстов.

Итак, активное «рассеивание» и специализация теорий дискурса в пространстве смежных дисциплин привело к тому, что лингвистка на сегодняшний день закрепила за собой довольно узкую область исследования дискурса – это исключительно «формальная» сторона организации дискурса на языковом уровне (лексика, синтаксис, грамматика).

Дискурсная проблематика, категория дискурса и собственно дискурс-анализ получают дальнейшее развитие «за пределами» лингвистики – то есть в сфере философии, культурологии и социально-гуманитарных науках. Это развитие, безусловно, в значительной степени обусловлено вышеупомянутыми достижениями лингвистики.

В рамках философско-культурологических и социально-гуманитарных теорий дискурса так же, как и в собственно лингвистических теориях, не наблюдается сколь бы то ни было очевидного единства мнений и взглядов на природу дискурса, его параметры и основные категории. Однако, если в лингвистике такой «конфликт интерпретаций» был представлен спорами о характере детерминации связки «дискурс - текст», то в остальных науках он, скорее, является историческим следствием различных трактовок дискурса – напомним, что еще в конце XIX века последний трактовался либо как монологичное рассудочное рассуждение, либо как свободное эссеистское изложение мыслей.

Философско-культурологические теории дискурса в XX веке в основном относятся к двум направлениям. К *первому направлению* принадлежат дискурсные теории в рамках немецких школ философии языка (Более подробно см.: Соболева, М.Е. 2005.) (например, конструктивистские теории Эрлангенской школы, «философия нормального языка» А.фон Савиньи, прагматические теории Ю.Хабермаса и К.-О.Апеля, теория верификационной семантики Э.Тугендхата и другие). Их базовые положения имеют в своей основе, с одной стороны, идеи Канта о монологическом рассудочном дискурсе как форме логического познания и, с другой стороны, англо-американские теории речевых актов. Иными словами, это направление философско-культурологических теорий дискурса продолжает ту исследовательскую традицию, которая в конце XIX века постулировала дискурс как нормативное формально-логическое образование. Так, в частности Юрген Хабермас формулирует логико-этические принципы дискурса в рамках разработанной им и его учениками теории коммуникативного действия.

Хабермас предпринял попытку интеграции понятия «дискурса» в корпус категорий, фиксирующих систему социального действия. К последним традиционно относят стратегическое, нормативное, драматургическое, коммуникативное действия; при этом Хабермас считает именно коммуникативную модель действия наиболее продуктивной в отношении формирования стабильных, легитимных отношений и устойчивых личностных структур. Соответственно, дискурс, будучи разновидностью социально-ориентированной практики, «обеспечивает», поддерживает реализацию коммуникативного действия, образуя идеальную поведенческую модель. В

нормативном аспекте дискурс осуществляется при соблюдении ряда правил (например, правило полноправного участия в дискурсе всех участников или правило достижения аргументированного согласия), что задает потенциальную позитивную значимость дискурса в аспекте достижения солидарности и интеграции общества. Таким образом, дискурс мыслится как феномен культуры, как её интегрирующий механизм, а также как нормативное пространство культуры.

Ко *второму направлению* относят французские школы дискурс-анализа (например, Мишель Фуко, Жан Бодрийяр, Жак Лакан, Мишель Пешё, Поль Анри, Патрик Серио). Это направление, с одной стороны, базируется на критике рациональности Ницше и Хайдеггера, философии жизни Анри Бергсона и, с другой стороны, интегрировано в структуралистские и постструктуралистские парадигмы. Развивая другую традицию, заложенную в конце девятнадцатого века, - традицию изучения дискурса как риторического и эстетического образования, эта группа теорий в основном отождествляет дискурс с феноменом власти, полагая его исключительно в сфере социальных отношений и взаимодействий. В рамках этого направления принято отмечать две доминантные теории, радикально повлиявшие на содержание большинства дискурсных исследований: теорию дискурсивных формаций (теорию археологии и генеалогии) Мишеля Фуко (получившее в дальнейшем свое развитие в теории «автоматического анализа дискурса» Мишеля Пешё) и психоаналитическую теорию дискурса Жака Лакана. На последние две мы обратим особое внимание в следующих разделах нашей работы, рассматривая их как внесшие наиболее значительный вклад в разработку глубокой философской парадигмы дискурсных исследований. Сейчас же обратим внимание на ключевые положения других теорий и концепций французской традиции.

Жан Бодрийяр расширяет понятие дискурса, включая в него предметы обыденной жизни, поскольку они выполняют не просто бытовые, но социально-коммуникативные функции и транслируют социальные смыслы, активно участвуя в воспроизводстве социальных статусов, групп, институтов, культуры. Французский мыслитель отмечает: «...предметы являются носителями индексированных социальных значений, носителями социальной и культурной иерархии, что обнаруживается в мельчайшей из их деталей – форме, материале, цвете, сроке службы, расположении в пространстве и т.д. – то есть они конституируют некоторый код» (Бодрийяр, Ж. 2004. – С.21.). Потребление в таком контексте рассматривается Бодрийяром как, с одной стороны, условие воспроизводства культуры и, с другой стороны, как приобретение дискурсов. Обладание дискурсами, на что указывает Бодрийяр в работе «Соблазн» (Бодрийяр, Ж. 2000.), равнозначно обладанию всем символическим миром, в то время как обладание властью есть обладание только реальным миром.

Помимо включения предметного мира в поле дискурсных исследований, французские философы и культурологи прибегают также к анализу идеологических формаций. Например, Патрик Серио определяет предметную область дискурс-анализа как «*тексты* в полном смысле этого термина произведенные в институциональных рамках, которые накладывают сильные

ограничения на акты высказывания; наделенные исторической, социальной, интеллектуальной направленностью» (Серио, П. 2001.). Подобное расширение границ дискурс-анализа предполагает анализ текстов, содержащих, поддерживающих и конструирующих определенные идеологические позиции в рамках культуры. Сам корпус текстов при этом трактуется как элемент социального института, представляющего собой условия появления тех или иных высказываний. Мы обращаем наше внимание на то, что в рамках французской традиции дискурсного анализа формулируется проблема субъекта дискурса, и примечательно, что буквально с первых крупных работ по дискурсной проблематике заявляется, что субъектом производства и распространения дискурсов выступают не индивиды, а институциональные образования – властные группы, такие как армия, церковь, медицина, государственный аппарат и т.д. Одной из главных задач этих формаций полагается определение того, что можно, а что нельзя говорить (См., например: Фуко, М. 2004; Фуко, М. 1996; Фуко, М. 2006.).

Мишель Пешё проблематизирует связь фукианской теории дискурсной формации с теорией идеологической формации Луи Альтюссера. Дискурсная формация понимается им как артикуляция, репрезентация, реализация предзаданных идеологических (социальных, социокультурных, культурных) установок коммуникантов. Идеология при этом трактуется как то, что определяет и содержание дискурса, и способы его производства. Таким образом, дискурс в теории Пешё становится своего рода идеологическим «перформансом», формой насилия над индивидом. Эта идея получает в дальнейшем развитие в трудах таких влиятельных ученых-постструктуралистов, как Жак Деррида, Юлия Кристева, Славой Жижек, сформулировавших еще одну глобальную задачу теории дискурса – выработка стратегий сопротивления идеологическому насилию дискурсов и способов элиминации негативного дискурсивного влияния.

В целом, в контексте философско-культурологических исследований «дискурсом» называют либо (*а)* совокупность рассуждений (логико-формализованных, понятийных, терминологических и т.д.), либо (б) любую целенаправленную речевую (коммуникативную) практику, включая сюда и невербальные единицы (жест, мимику, движение тела, несловесные знаки и символы и т.д.).

В *социально-гуманитарных науках* теории дискурса были порождены преимущественно путем «наложения» философско-культурологических и, главным образом, лингвистических концепций дискурса на предметное поле той или иной дисциплины. Это было вызвано преимущественно тем, что на рубеже 70-х годов исследователи пришли к соглашению, что анализ языка не должен ограничиваться грамматическим анализом абстрактной или идеальной языковых систем: объектом лингвоориентированных теорий должно стать актуальное использование языка в социокультурном контексте. Например, дискурсные исследования в рамках американской социальной психологии пересекаются с изучением речевой интеракции и обозначаются термином «дискурсивная психология» (М.Уэзерелл, Я.Поттер); в американской конфликтологии поле исследований кризисных коммуникативных ситуаций

создало почву для «деятельностно-ориентированных теорий дискурса» (К.Трейси); в европейской политологии критика политических отношений сопрягается с деконструктивистскими моделями языкознания и образует «критический дискурс-анализ» (Т.А.ван Дейк, Н.Фэрклоу, Э.Лаклау, Р.Водак); в сфере культурантропологии структурный анализ мифов, сказок, загадок и других форм устного творчества создал основу для исследований способов коммуникации в различных культурах – в частности, для «этнографических исследований разговора» (У.Лабов, Н.Рис, Э.Щеглофф) и «интеракциональной социолингвистики» (Дж.Гамперц, Д.Хаймс, З.Бауман); в европейской когнитивной психологии растущий интерес к проблемам семантической памяти привел к разработке когнитивных моделей понимания связного текста и дискурса (Д.Кинч, Т.А.Ван Дейк).

Если в 70-х и 80-х годах социально-гуманитарные исследования дискурса проводились более или менее независимо и автономно друг от друга, то в 90-х гг. и в начале нового тысячелетия активизируется интеграция дискурсных теорий. Отмечаются многочисленные пересечения между лингвистикой и психологией, лингвистикой и социологией, а также между политологией и этнографией, психологией и антропологией, семиотикой и политологией.

Обратимся еще раз к идеям и положениям М.М.Бахтина, поскольку они в значительной степени подготовили основу для современных дискурсных исследований и явились в своем роде основой для междисциплинарного изучения дискурса культуры.

По Бахтину культура как общение живет не только в настоящем, но и обладает определенной формой - это форма произведения, которое понимается как «форма общения индивидов» (Цит. по: Библер, В.С. 1990. – С.289), которые, осуществляя коммуникацию, «изобретают мир впервые». Говоря о диалоге как единственно возможной форме со-бытия людей и бытия культуры, Бахтин утверждал: «Чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты – с ними можно только диалогически общаться. Думать о них – значит говорить с ними» (Там же, с. 146-147.). Диалог по Бахтину не есть просто общение, разговор, речевая деятельность – диалог есть взаимное самопознание и самоутверждение. Диалог понимается как единственно возможная форма со-бытия, существования культуры.

Диалогичное общение индивидов происходит благодаря специфичной составляющей общения - тексту. По утверждению М.М. Бахтина, культуру и человека можно изучать только через тексты, созданные или создаваемые ими. Текст, по Бахтину, может быть представлен в разных формах: как живая речь человека; как речь, запечатлённая на бумаге или любом другом носителе (плоскости); как любая знаковая система (иконографическая, непосредственно вещная, деятельностная и т.д.) (См.: Бахтин, М.М. 1979.).

В любой из этих форм текст может быть понят как форма существования культуры. Каждый текст опирается на предшествующие и последующие ему тексты, созданные авторами, имеющими своё миропонимание, свою картину или образ мира, и в этой своей функции текст несет смысл прошлых и последующих культур, он всегда на грани, он всегда диалогичен, так как всегда направлен к Другому.

Эта особенность текста прямо указывает на его контекстное окружение. Текст всегда направлен на Другого, в этом его коммуникативный характер. По выражению В.С. Библера, текст, понимаемый как дискурс, «живет контекстами..., все его содержание только в нем, и все его содержание - вне его, только на его границах, в его небытии как текста» (Библер, В.С. 1991. – С.76). И здесь мы вновь возвращаемся к необходимости концептуализации *дискурса* как формы культуры. Учитывая вышеизложенные идеи, отметим, что особенностью дискурса является то, что он возникает всякий раз и имеет смысл только тогда, когда предполагает наличие общения отстраненных друг от друга «автора и читателя». И в этом отношении через дискурс изобретается, создается впервые мир, или, применительно к социокультурному пространству, открывается априорная форма повседневного бытия.

И внутренний порядок смыслов, и система языка и дискурса, и картины мира установлены и закреплены в культуре. Это, в свою очередь, предполагает наличие особенных легитимирующих и конвенциональных практик, в ходе которых вырабатываются принципы и правила «построения дискурса» («discourse order», Ван Дейк). Очевидно, что чем более легитимными, обязательными и устойчивыми являются эти практики, тем более специфичными будут дискурсы. Иными словами, требуется определить некоторые формы организации социокультурной реальности для того, чтобы выявить характер дискурсных практик, реализуемых в культуре. Подобные формы организации социокультурной реальности известны как институциональные, организационные, групповые, индивидуально-личностные и все они подразумевают наличие дискурса как утверждающего и «скрепляющего» феномена.

Бахтин, изучая тексты культуры, фактически сформулировал одни из ключевых положений дискурс-анализа, однако, сам термин «дискурс» не был им использован в работе.

Учитывая динамично развивающееся взаимодействие между различными отраслями знаний (как направленное на интеграцию дисциплин, так и на их дифференциацию), мы полагаем целесообразным предложить классификацию подходов к дискурс-анализу, основанную не на принадлежности к той или иной отрасли знания (впрочем, такая классификация существует и довольно широко используется в современной науке – социологические подходы, психологические, социолингвистические и т.д.). На наш взгляд, типология подходов должна основываться на различении аспектов общего объекта анализа – то есть аспектов дискурса. Мы выделяем четыре основные группы подходов к дискурс-анализу: формальные, прагматические, структурно-функциональные и критические. В определенном смысле эти четыре группы подходов отражают динамику развития дискурсной методологии, то есть соответствуют тому или иному этапу становления дискурс-анализа, которые мы рассмотрели ранее.

Формальный дискурс-анализ традиционно базируется на идеях структурной лингвистики и семиотики текста. Дискурс рассматривается как автономная сущность и рассматривается преимущественно по отношению к самому себе – к своей структуре, к своей грамматике; иными словами дискурс трактовался в узколингвистическом смысле – как текстовая единица разговорного и

письменного языка. Первым классическим примером формального анализа дискурса, по-видимому, является работа Владимира Проппа «Морфология волшебной сказки» (Пропп, В.Я. 1998.), а также структуралистские исследования мифологических систем, осуществленные К.Леви-Строссом (Леви-Стросс, К. 1983; Леви-Стросс, К. 2007.) и его последователями, семиологические исследования продуктов массовой коммуникации, проведенные Р.Бартом (См., например: Барт, Р. 2001; Барт, Р. 1989.).

Формальный анализ дискурса представляет собой, скорее лингвистический анализ языковых явлений в устной и письменной речи и соответствует первому этапу развития теории дискурса, сформированной в сфере лингвистики. Он не обладает очевидными междисциплинарными связями и не фиксирует исследовательский фокус на экстралингвистических факторах дискурса. В некоторых случаях сфера интереса включает в себя контекст «единств, превосходящих по размеру предложение» (то есть – дискурсов). Под дискурсным контекстом же понимается «околодискурсная среда», то есть – другие дискурсы и тексты, формальные свойства организации текста, в крайних случаях – коммуникативные позиции говорящих. Наиболее важным параметром дискурсивного контекста полагается «языковая личность», понимаемая как система языковых особенностей речевого агента. Примером актуальных тем формальных дискурсных исследований могут быть, например, эволюция дискурсной и коммуникативной компетентности личности (См., например: Седов, К.Ф. 2004.), «семиосоциопсихологические» процессы смыслопорождения в различных социальных ситуациях (См. работы Т.М.Дридзе.), формирование дискурсной компетентности (См., например: Левина, Г.М. 2003.).

Появление и развитие *прагматических* подходов к изучению дискурса приходится на вторую половину 70-х годов XX века, когда исследовательский интерес привлекают экстралингвистические измерения дискурса, к которым относятся: интенции говорящего; убеждения, ценности и установки коммуникантов; цели коммуникативных действий; коммуникативные позиции адресата и адресанта; социокультурный контекст общения, который составляют предписания, ожидания, нормы, предъявляемые к организации и содержанию общения. Дискурс, как мы уже упоминали, трактуется как инструмент коммуникативного взаимодействия и решения конкретных задач в данной коммуникативной ситуации. К этой группе подходов следует отнести работы 70-х годов, которые впервые начали полностью или частично позиционировать себя как собственно дискурс-аналитические: это исследования в области повседневного дискурса (конверсационный анализ) (Лабов, Сакс, Щеглофф, Джефферсон), институциональных диалогических дискурсов (Синклэр, Кулхард). Огромное влияние на методологию и технику анализа дискурса оказывает теория речевых актов (Дж.Остин, П.Грайс, Дж.Сёрль) и феноменологическая социология (Шюц, Бергер, Лукман), благодаря которым область повседневного дискурса становится предметом научного исследования. Лингвистическое влияние на прагматические подходы достаточно ощутимо: дискурс здесь исследуется с позиций лингвистической прагматики, применяемой к анализу конкретных социальных ситуаций.

Выделим два основных философских подхода, сформулированные в

области прагматики. Первый – прагмалингвистический подход (или так называемый «радикально-прагматический подход»), который развивается последователями Грайса и иных представителей референциально-логической традиции. Этот подход фиксирует внимание на конструировании значения адресатом посредством когнитивных (или формальных) процедур. Кратко говоря, этот прагматический подход направлен на анализ процедур языкового понимания, основываясь на концепции обусловленности дискурса семантическими и прагматическими явлениями.

Второй – теория речевых актов – ориентирован, главным образом, на изучение социальной обусловленности речевого поведения. В отличие от прагмалингвистического подхода теория речевых актов рассматривает конкретное речевое поведение индивида в контексте более общих дискурсных структур, утверждая, что именно они – структуры дискурса и взаимодействия – обусловливают каждые конкретные высказывания и речевые действия.

К прагматическим теориям дискурс-анализа необходимо также отнести так называемые «дискурсивно-психологические» исследования, фокусирующие внимание на стратегиях коммуникантов в ходе беседы (См., например: Potter, J., Wetherell, M. 1987.).

Относительно ограниченный предмет анализа дискурсивной психологии – разговорный язык, в современное время расширяется до изучения способов репрезентации действительности в конкретном идеологическом и социально-культурном контексте (Я.Поттер, М.Уэзерел, Д.Эдвардс). В рамках дискурсивной психологии принято трактовать дискурс как такое актуальное использование субъектом языка, которое конструирует психическую действительность. В таком контексте дискурсивная психология, устанавливая в качестве базовой методологической формулу «я есть то, что говорится обо мне», приближается к конструктивистским теориям, которые мы рассмотрим далее. Представители дискурсивной психологии фиксируют свое внимание на контекстах (исторических, социальных, культурных) коммуникации, которые, по их мнению, «предлагают» определенные ресурсы для дискурсного конструирования психологической реальности: иначе говоря, психологическая реальность понимается как мобильное и динамическое образование вследствие того, что меняются способы, стратегии и цели ее описания в зависимости от времени, социальных условий и культурных факторов. Подобные модуляции Поттер и Уэзерел фиксируют посредством понятия «репертуары интерпретаций» (См., например: Potter, J., Wetherell, M. 1987.), то есть конкретных дискурсных средств, используемых в определенной ситуации для достижения определенных целей. Таким образом, даже конструктивистская версия, представленная дискурсивной психологией, устанавливает в качестве методологического императива «презумпцию субъекта», который волен манипулировать дискурсом в целях собственного «позиционирования» и «ре-идентификации» в зависимости от тех или иных условий – а это указывает на прагматический характер дискурсно-психологических концепций.

Исследовательской установкой в прагматических подходах является не только описание и анализ стратегий коммуникативного поведения, но и выявление репрессивных эффектов того или иного дискурса, трактуемых,

однако, как имеющих отношение к мотивации говорящего и целям коммуникативного поведения.

В целом, одной из отличительных особенностей прагматических теорий дискурс-анализа является постулирование субъекта как основания дискурсивных практик: иными словами, действительность не сводится к дискурсу, и лишь субъект волен оперировать дискурсом в соответствии с поставленными целями и в определенном социокультурном контексте.

Становление *структурно-функциональных* теорий дискурса связывается с изменением трактовки дискурса: содержание термина расширяется от единицы устной и письменной речи и коммуникации до социальной практики. Дискурс начинает рассматриваться не просто как языковое единство или инструмент и результат коммуникации, но как социокультурный элемент, зачастую наделяемый статусом агента наравне с субъектами коммуникации. Дискурс рассматривается как социально-семиотическое образование, самоорганизующаяся система. Соответственно, обоснование дискурса в качестве предмета изучения предполагает обнаружение его деятельного, функционального, генеративного потенциала в отношении воссоздания и создания действительности. К подобным подходам следует отнести, в первую очередь, социально-конструктивистские теории (М.Пешё, Н.Фэрклоу, К.Герген), фиксирующие свое внимание на идеологическом, культурно-деятельном и когнитивном аспектах функционирования дискурса.

Социально-конструктивистский подход базируется на следующих допущениях: знания и представления о мире представляют собой результат классификации действительности посредством категорий; «картина мира» и способы ее создания обусловлены историческим и культурным контекстом; знания возникают не только в процессе «чистой» перцепции и логического познания, но и в процессе социального взаимодействия (что в современном информационном мире является доминирующим условием «производства знаний»); социальное взаимодействие имеет дискурсивный характер и предполагает реальные социокультурные последствия.

В ряде версий структурно-функциональных теорий дискурс-анализа отношения обозначаются как то, что непосредственно влияет и предопределяет дискурсивную практику. В качестве примера уместно привести пример семейных отношений, рассмотренный Норманном Фэрклоу (Несмотря на то, что Фэрклоу относит себя к представителям критического дискурс-анализа, мы, тем не менее, возьмем на себя смелость обозначить разработанную им теорию как «функциональную» в силу явных расхождений с критическими концепциями: во-первых, Фэрклоу не «гиперболизирует» дискурсивные практики и формации, как это делают представители критического дискурс-анализа; во-вторых, целью предложенного им подхода является не негативная критика дискурсивной обусловленности социокультурной реальности в отношении тотальных репрессивных действий, а конструктивный анализ места, роли и функций дискурса в контексте той или иной социокультурной деятельности, и, в-третьих, дискурс не интерпретируется им как обширная социальная категория, а лишь как соподчиненное социальное явление.).

По мнению британского исследователя, отношения между членами семьи формируются главным образом на дискурсивной основе, в то же время сама концепция семьи представляет собою так называемый «остаточный» или частичный ("residual") дискурс, во многом утратив свою гибкую дискурсивную природу и перейдя, таким образом в сферу недискурсивных социокультурных феноменов (Fairclough, N. 1993.).

Очевидно, что подобные «дискурсивные фрагменты» в рамках той или иной культуры представляют собою устойчивые социокультурные образования (архетипы, ценности, концепты, образы) и в то же время «материал» для построения последующих дискурсивных практик. «Формирование общества с помощью дискурса, — отмечает Фэрклоу, — происходит отнюдь не благодаря тому, что люди свободно играют с идеями. Он (дискурс – Е.К.) является следствием их социальной практики, которая глубоко внедрена в их жизнь и сориентирована на реальные, материальные социальные структуры» (Филлипс, Л., Йоргенсен, 2004. – С.102.).

Итак, в рамках функциональных подходов традиционным является рассмотрение политических, социальных, экономических - и в целом, институциональных – процессов как дискурсивных по своей функциональности. Это предполагает в основном следующую интерпретативную схему: дискурс анализируется как важнейшая форма и базовый «режим» функционирования института.

В *критическом* дискурс-анализе дискурсными практиками обозначаются любые лингвистически опосредованные практики, которые (вос)производятся и интерпретируются социальными агентами. Исходная посылка, на первый взгляд, аналогична той, которая принята в рамках функциональных теорий, однако, в данном случае речь идет о таком свойстве социокультурных отношений, которое в своем роде устанавливает свой диктат в социальном поле. Дискурс трактуется либо как идеологический конструкт, либо как собственно идеология. Соответственно дискурс-анализ предполагает обнаружение и критический анализ отношений доминирования-подчинения, которые отражаются и закрепляются в дискурсе и продуцируются им. В ряде теорий дискурсивные отношения (в частности, дискурсивные практики) интерпретируются не просто как практики, опосредованные языком, но как властные практики, эффектом которых является «производство субъекта», «производство реальности» и управление ими.

Критический дискурс-анализ ориентирован на изучение роли дискурсивной практики в поддержании социального порядка и обеспечении социальных изменений. Соответственно, каждый акт коммуникации трактуется как дискурсивное действие, воспроизводящее общую логику социокультурных и социально-экономических процессов. Любое использование языка в социокультурном контексте (поход в магазин, беседа со знакомыми, разговор между коллегами в офисе, консультация у юриста) есть конкретное выражение абстрактных социокультурных и социально-экономических отношений. Более того, в ряде случаев признается, что сами коммуникативные события программируют структуру и динамику развития глобальных институциональных структур.

«Квинтэссенцией» версии дискурс-анализа, отрицающей недискурсивную обусловленность дискурса, на наш взгляд, следует считать теорию дискурса Эрнеста Лаклау и Шанталь Муфф, которая представлена в их совместных работах — «Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics» (1985) и «Post-Marxism without apologies» (1990). Целью своей версии дискурсного анализа авторы считают выявление и описание процессов структурирования социальной реальности, включающих в себя «работу» по фиксированию за теми или иными знаками определенных значений, а также по установлению, воспроизводству и трансформации субъектных и групповых идентичностей. Обозначая данные процессы термином «артикуляция», Лаклау и Муфф поясняют, что «все структурное единство, появившееся в результате артикуляционной практики, (является) дискурсом» (Филлипс, Л., Йоргенсен, М. 2004. – С.49.).

Стоит признать, что подобные радикальные исследовательские позиции являются свидетельством, с одной стороны, «дискурсивного редукционизма» и, с другой стороны, гиперболизировано расширенного содержания понятия «дискурс».

Сравнивая эти четыре подхода к интерпретации дискурса, мы можем заключить, что дискурс в каждом из случаев интерпретации мыслится в диалектической связи с субъектом и действительностью и занимает определенное место в их иерархии.

Так, формальный подход рассматривает дискурс «как таковой» и предполагает следующую формулу интерпретации вышеупомянутой связи: «*дискурс – субъект - дискурс*» или «*дискурс – действительность - дискурс*». В рамках прагматического подхода дискурс интерпретируется как эффект или инструмент коммуникативного действия, а формулой является «*субъект – действительность - дискурс*» или «*субъект – дискурс - действительность*». Структурно-функциональный подход предполагает интерпретацию дискурса как агента или элемента социальной практики, что выражается в формуле «*дискурс – субъект – действительность*» или «*субъект – дискурс – действительность*». Критическая традиция позиционирует дискурс как тотальность, как идеологию или даже как субъекта, а формулой является «*дискурс – действительность – субъект*» и «*дискурс – действительность – дискурс*».

Оценивая современный академический статус, проблемы и перспективы дискурсных исследований в науках о культуре, мы можем утверждать, что *дискурс-анализ мыслился и продолжает мыслиться в академических кругах как новая аналитическая перспектива исследования условий производства культуры, социальных отношений, идентичности, знания.* Отличительными чертами теорий дискурса следует считать открытость, недогматичность, гибкость; эти качества, с одной стороны, демонстрируют динамичный потенциал дискурс-анализа в отношении развития, но, с другой стороны, являют собой основные пункты критики дискурсных теорий, которым вменяется непоследовательность, отсутствие прочной и единой методологической и концептуальной базы, преемственности школ и течений и так далее.

Как полагает Т.А. ван Дейк, с середины 1980-х годов дискурсные исследования вступают в этап внутриотраслевой специализации. Возникают

специализированные теории дискурса (теория идеологического дискурса, теория этнических дискурсов, теория дискурса социальных меньшинств и прочие), а также новые интеллектуальные направления в дискурс-анализе. Дискурс-анализ пересекается со многими исследовательскими моделями и стратегиями: с социально-психологическим анализом коммуникативной компетентности, социологическим статусно-ролевым анализом, этнографическим речевым анализом, психоаналитическим исследованием и прочими. В некоторых случаях дискурсный анализ подменяет собой традиционные лингвистические исследования, в иных случаях – им обозначают любые исследовательские модели и стратегии, применяющиеся в рамках современных парадигм и теорий (например, в рамках критических социальных теорий постмодернистского толка). Это позволяет говорить не о неком едином академическом дискурсном проекте, сколько о наборе дискурсных исследовательских практик, широко использующихся в различных отраслях социально-гуманитарного знания.

Характерной чертой современного дискурс-анализа является его междисциплинарность. Дискурс-аналитики включают всё новые и новые объекты в поле своего внимания в зависимости от специфики исследовательской сферы: в юриспруденции предметом дискурсного исследования становятся юридические документы и правовые отношения, имеющие текстуальную и диалогическую природу; в сфере масс-медиа исследовательский акцент смещается с ранее распространенного контент-анализа к более комплексному дискурсному анализу текстов средств массовой информации; в клинической психологии и психиатрии исследователи обращаются к изучению терапевтического дискурса; в социальной психологии и связях с общественностью — исследовательский фокус размещается на когнитивных и социальных аспектах коммуникации.

Мы склонны полагать, что подобное положение дел свидетельствует не о неопределенности (или отсутствии) предметного поля дискурс-анализа, а о специфичном эффекте развития двух разных традиций использования термина «дискурс» и различного понимания сущности дискурс-анализа. В связи с этим перед исследователями стоит задача как унификации понятия дискурса, так и уточнения модели дискурсного анализа.

В своей работе «Тридцать две проблемы дискурс-анализа» (1993) американские ученые Паркер и Берман (Parker, I. and Burman, E. 1993.) подробно описали и проанализировали ряд методологических трудностей, связанных с изучением дискурса и, в целом, применением дискурс-анализа как стратегического исследовательского проекта. Несмотря на некоторую претенциозность указанной работы (в значительной степени в ней представлены не столько трудности, сколько критические суждения относительно дискурс-анализа), тем не менее, она представляет собой попытку систематизировать основные барьеры, с которыми сталкиваются исследователи в ходе применения дискурс-анализа. Рассмотрим подробнее замечания Паркера и Берман, расширив их наблюдениями из личного исследовательского опыта, из опыта применения дискурс-анализа в области культурологии, философии, социологии,

психологии, а также из опыта исследований, проводимых после выхода указанной работы, то есть после 1993 года.

Во-первых, как мы уже отмечали, трудности применения дискурс-анализа связаны с многообразием дискурс-аналитических подходов. Трактовка дискурса, построение модели дискурса, выделение его параметров и индикаторов, стратегия дискурс-исследования в значительной степени зависят от подхода, от методологической «рамки», или же – от парадигмы, в контексте которой проектируется исследование. Исследования, основанные на применении дискурс-анализа, часто критикуют за такое использование размытых в терминологическом отношении понятий «дискурс», «текст», «нарратив», «тема», «рассказ», при котором они полагаются как, с одной стороны, само собой разумеющиеся, а с другой стороны как взаимозаменяемые. Значения и ситуации использования этих понятий необходимо четко обосновывать и пояснять для того, чтобы избежать недопониманий и искажения смысла.

Во-вторых, на методологическом уровне дискурс-аналитического подхода обнаруживается трудность, связанная с анализом текста и контекста, в котором он (текст) реализуется. Дилеммой в данном аспекте является то, насколько «глубоко» должен развиваться анализ актуального текста, чтобы сформировать контекстуализированную интерпретацию. В связи с этим дискурс-анализ всегда предоставляет возможность исследователю «навязать» определенные значения тексту. Такой аспект критики дискурс-анализа имеет отношение, в первую очередь, к позиции исследователя. Крайне важным становится анализ «не только того, кто читает текст, но и того, кто производит текст» (перевод наш. – Е.К.) (Parker, I., Burman, E. 1993. – P.159.).

В-третьих, достаточно часто дискурс-анализ и сама категория дискурса искусственно применяются в исследовании в силу некоторой тенденции, своего рода академической моды. Кроме того, часто признанные и распространенные критические методы, принадлежащие слабым научным теориям, становятся синонимом процедур дискурс-анализа, а это, в свою очередь, ведет к сомнению в научной значимости и ценности этого подхода. К сожалению, часто упускают из вида то, что виной этому может быть сама теория, но не дискурсный подход. Иными словами, зачастую дискурс-анализом обозначают то, что таковым по своей сути не является. Процитируем Тойна ван Дейка, одного из наиболее значительных, продуктивных и влиятельных представителей дискурсной теории и методологии: «Анализ дискурса – это научный анализ только в том случае, если он основан на более или менее эксплицитных целях, методах и теориях. Довольно часто создание «здравых» комментариев к фрагментам текстов или речи не имеет никакого отношения к дискурс-анализу. В действительности же весь исследовательский проект должен заключаться в проникновении в суть структуры, стратегии или иных составляющих дискурса, что не может быть осуществлено с позиции наивного реципиента» (Van Dijk, T. 1997, 8(1), 5-6.) (Перевод наш. – Е.К.). Примечательно, что спустя десять лет в редакционной статье, помещенной в первом номере своего нового журнала «Discourse and communication», ван Дейк лишь усиливает свою позицию и настоятельно рекомендует всем занимающимся дискурс-анализом основывать свои исследования на твердой теоретической почве (Van Dijk, T. 1997, 8(1), 5-6..

Требование «теоретизации» дискурсных исследований объясняется также и необходимостью мета-анализа культуры, поскольку последняя представляет собой помимо прочего систему повседневных убеждений, допущений, представлений о здравом смысле, что в своей совокупности создает определенную «донаучную» когнитивную основу, предопределяющую цели, предмет, стратегии и содержание исследовательского проекта. Разработка надежной и строгой методологии в таком контексте помогает преодолеть или предотвратить влияние таких культурно-обусловленных допущений на научное исследование культуры.

В-четвертых, современные дискурсные исследования критикуют за то, что зачастую они ориентированы на воспроизводство положений научного направления или академической школы, в рамках которых они осуществляются. Конечно, это неизбежно с учетом того, что та или иная теоретическая база в социально-гуманитарных науках снабжает исследователя определенной методологией. Но с другой стороны, своего рода «эмпирической нечувствительностью» страдает та исследовательская позиция, при которой применяемый методологический подход остается за полем рефлексии исследователя, убежденно воспроизводящего положения научной теории и полагающего все свои усилия на верификацию гипотез, «форсированно» выработанных в ее рамках. Иными словами, в отношении многих современных версий дискурс-анализа вполне справедливыми являются утверждения о том, что методология конструирует предмет, а метод предопределяет результат. На наш взгляд, дискурсный подход предполагает, скорее, не верификацию гипотез, формулировка которых предопределена определенной теорией, но разработку подобных гипотез и последующее конструирование теории. В этом мы придерживаемся той точки зрения, что *дискурс-анализ представляет собой самостоятельную методологию, а не метод «на вооружении» у той или иной академической школы, методологии или подхода*, поскольку обладает рядом специфичных исследовательских принципов, исследовательских приемов, содержит специфичное знание о методе научного познания и набор более или менее четко обозначенных категорий исследования.

Дискурсный подход направлен не столько на выявление определенного содержания или аутентичного смысла текста, сколько на объяснение того, в соответствии с какими правилами, в каких условиях, при каких обстоятельствах текст становится возможным, и что при этом явилось внутренней или внешней движущей силой. В связи с этим, дискурс-исследования часто обращаются к тексту как конструкту и инструменту конструирования реальности, и изучение самой реальности или ее фрагмента представляется лишь вспомогательным направлением исследования. Таким образом, критика дискурс-анализа довольно часто связана с восприятием его как подхода, не располагающего жесткой методологией, в рамках которой мы могли бы быть удовлетворены тем, что достигли единственно возможного прочтения и понимания текста. Однако, дискурс-анализ по определению не обязательно должен быть нацелен на достижение единственно возможного прочтения текстов, поскольку имеет дело с различными репрезентациями реальности в дискурсах разного типа и жанра, с различными способами порождения и прочтения текстов в разных контекстах и

при разных обстоятельствах. Более того, в некоторых случаях (например, при осуществлении критического анализа политических, идеологических, пропагандистских текстов) подобное стремление к поиску единообразной интерпретации текста может противоречить целям исследования.

Очевидно, что преодоление всех вышеперечисленных методологических проблем и решение всех поставленных перед относительно молодой методологией задач требует от исследователей *разработки универсальной теории дискурса*, основанной на расширенной трактовке содержания понятия «дискурс» и, в целом, - *на переводе дискурс-анализа в сферу философии и теории культуры*. На наш взгляд, именно *создание прочной философско-культурологической основы позволит в полной мере решить вышеперечисленные методологические проблемы современных дискурсных исследований.*

В современной философии и теории культуры, а также в ряде социально-гуманитарных наук можно встретиться со значительным количеством примеров создания строгих и однозначных теорий и методологий исследований. Мы никоим образом не оспариваем целесообразность и важность подобных попыток. Однако, то, что действительно вызывает сомнение в целесообразности – это ориентация научного поиска на то, каким *должен быть* порядок вещей (в частности, дискурса), а не на то, почему он *имеет* тот или иной вид в конкретных исторических, культурных и социальных условиях. Иными словами, речь идет о теоретически (или даже морально!) обоснованном взгляде на предмет исследования как единственно возможный способ операционализации понятий. Такой подход представляет собой процедуру, в которой важным становится не результат, а последовательность действий. Дискурс-анализ, на наш взгляд, не является подобным подходом по своему определению и в силу присущей ему междисциплинарности. Имея междисциплинарные основания, дискурсный анализ остается многоаспектным подходом, обладающим различными фокусами исследовательского внимания и способами интерпретации явлений культуры в зависимости от исследовательской позиции. Как отмечают Паркер и Берман, игнорирование многообразия исследовательских установок при их непротиворечивости может привести к стагнации академического мышления: «Дискурс-анализ не является и не должен являться «методом», на который все могли бы полагаться и который можно применить к изучению чего угодно. Различные исследовательские группы дискурс-анализа (Discourse Groups), акцентуируя подобным образом свое внимание на методе, должны понимать, что они рискуют превратить сензитивные стратегии анализа дискурса в очередную бездумную эмпирическую технику» (Parker, I., Burman, E. 1993. – P.122.) (перевод наш. – Е.К.).

Итак, мы рассматриваем *дискурсную методологию* в качестве подхода, предполагающего многоаспектную интерпретацию культуры, в которой гармонично интегрируются все указанные бинарные оппозиции, раскрывается взаимодействие между дискурсной формой и содержанием культуры, а также фиксируется событийность как её атрибутивное свойство. Этот подход позволяет: интерпретировать как универсальные, так и уникальные характеристики культуры; проанализировать знаковый характер культуры в

единстве ее означающих и означаемых; рассмотреть субъекта как рефлексирующего агента культуры и как цель любого культурного проекта; определить культуру и как диалогичный процесс взаимодействия, и как «множество голосов», в котором происходит одновременное самоутверждение участников коммуникации; анализировать культуру в аспекте ее структурно-функционального и «повседневно-жизненного» устройства; рассмотреть культурные феномены как единство текста и контекста; изучить культурные практики во взаимосвязи коммуникативно-языковых, деятельностных и ментально-когнитивных феноменов. В целом, создание прочной философско-культурологической основы позволит объединить возможности и достижения указанных подходов и интегрировать в философско-культурологическое знание результаты смежных социально-гуманитарных дисциплин.

Дискурсное изучение культуры сопряжено с рядом наиболее характерных методологических проблем, к которым, на наш взгляд, относятся следующие.

Во-первых, дискурс-анализ предполагает больше, чем просто анализ содержания текстов с точки зрения их синтаксической, семантической и прочих структур. Скорее, дискурс-анализ направлен на изучение того, как конструируются сами тексты и фиксируются их значения в аспекте их социальной и исторической ситуативности с целью выявления принципов построения знания в той или иной культуре Дискурс-анализ как исследовательский проект основан на следующем важном допущении: язык не может рассматриваться как прозрачное или ценностно-нейтральное явление. Даже если мы подвергаем анализу так называемый «естественный» язык, то нам становится очевидным, что он не имеет универсальных значений, но представляет собой совокупность частных значений, приписанных как адресантом, так и адресатом в соответствии с ситуацией, в которой язык используется. Методологической проблемой, возникающей в данном случае, является следующая: *что считать аутентичным смыслом высказываний в дискурсе – инварианты, которые содержатся в прецедентных текстах, в интенциях автора, в ожиданиях и коммуникативной компетенции адресата или в порядке самого дискурса?*

Во-вторых, дискурсное исследование ориентируется не только на изучение «концептуального аппарата» (характерного языка, тематики, текстов и т.д.) дискурса, но и на анализ границ дискурсного поля, т.е. зоны ограниченного понимания или полного непонимания. Фактически анализ дискурсных пределов понимания предполагает обнаружение межкультурных или же интеркультурных пространств, в которых заканчивается одна культура и начинается другая или где обнаруживается уникальный симбиоз культур. Эти пространства характеризуются своеобразным «смысловым разломом»; это те области человеческой деятельности, в которых привычное, нормальное и понятное перестает быть таковым. Фактически речь в данном случае идет о границах дискурса: там, где заканчивается один дискурс, начинается другой с его иерархией смыслов и значений, с его правилами «сцепления высказываний», с его условиями воспроизводства текстов. Принципиальным вопросом в данном случае является следующий: *через изучение каких параметров и их индикаторов мы можем зафиксировать «предел дискурса», то есть обнаружить его границу?*

В-третьих, дискурс-анализ подразумевает также исследование силового

характера дискурса, дискурсной практики и дискурсной формации, то есть той принудительной силы, которая обозначалась Мишелем Фуко как связка «власть-знание». Попадание в определенное дискурсивное пространство означает для субъектов подчинение определенным правилам речемыслительной деятельности. В связи с этим возникает еще одна важнейшая методологическая проблема дискурсного исследования: *как следует интерпретировать позицию субъекта в дискурсе – как творчески активную (генеративно-агентивную) или как зависимую и производную (подчинительно-конструируемую)?* И в связи с этим – *как следует интерпретировать сам дискурс – как генеративное или как инструментальное образование?*

В-четвёртых, тексты передают аспекты реальности особым образом. Тот способ, которым текст репрезентирует реальность, а также понимание как эффект текста заслуживает не меньшего исследовательского внимания, чем то, **что** описывает текст. Кроме того, как уже отмечалось выше, тексты не просто репрезентируют и отражают определенное видение реальности, они также играют огромную роль в самом конструировании и поддержке этой реальности. Существует динамическая связь между текстом и контекстом, в котором производится текст. Тексты как создают контекст, так и создаются контекстом. В любой конкретный момент времени количество возможных образов реальности гораздо больше, нежели один «аутентичный» и «правильный» текст. Тексты могут быть религиозными, научными, медицинскими, юридическими и так далее, что указывает на их дискурсивную природу. Дискурс-анализ рассматривает тексты в их социальном, культурном, политическом и историческом контекстах. Тексты также анализируются для того, чтобы обнаружить несказанное и невысказанные допущения, имплицитно пребывающие в них и придающие высказываниям саму форму. Иными словами, ключевой методологической проблемой является *вопрос об условиях – культурных, социальных, языковых и прочих - производства текстов*.

В-пятых, необходимо понимать, что дискурс-анализ представляет собой подход, а не прикладной метод. Дискурс-анализ использует «конвенциональные» техники сбора данных с целью анализа явлений культуры в определенных теоретических рамках. Носителями таких данных могут быть транскрипты интервью, газетные статьи, данные наблюдения, документы, визуальные образы. Обязательным требованием является обоснование выбора текстов, техники их отбора и прочих обязательных элементов методологии исследования. И хотя методы отбора текстов и принципы их анализа могут отличаться в зависимости от подхода в рамках дискурс-анализа, это не случай вседозволенных действий исследователя. Все подходы к дискурс-анализу должны предполагать жесткие методы и принципы «систематичного и эксплицитного анализа» (ван Дейк). В связи с этим, методологическая проблема формулируется следующим образом: *каковы принципы отбора и анализа текстов в рамках дискурсного анализа?*

И, как нам кажется, одним из главных вопросов, которые формулирует для себя дискурсная методология как высокорефлексивный академический проект, являются следующий: *каковы границы самого дискурс-анализа?*

Библиография

1. Buyssens, E. (1943). De l'abstrait et du concret dans les faits linguistiques: la parole, le discours, la langue. Acta Linguistica 3.1943 (pp.17-23).
2. Fairclough, N. (1993). Discourse and social change. Cambridge: Policy Press.
3. Parker, I. & Burman, E. (1993). Against discursive imperialism, empiricism and construction: thirty two problems with discourse analysis. In E. Burman & I.Parker (eds.). Discourse Analytic Research: Repertoires and Readings of Texts in Action. London: Routledge.
4. Potter, J. & Wetherell, M. (1987). Discourse and social psychology. London: Sage.
5. Van Dijk, T. (1997). Editorial: analyzing discourse analysis. Discourse and society, 8(1), 5-6.
6. Van Dijk, T.A.. (2007). Discourse as social interaction: a new journal to bridge two fields. Discourse and communication. 1(1). P.7.
7. Барт, Р. (2001). Мифологии. СПб.: Изд-во Сабашниковых.
8. Бахтин, М.М. (1979). Эстетика словесного творчества. М.
9. Библер, В.С. (1991). Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика и культура. М.
10. Библер, В.С. (1990). От наукоучения - к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.
11. Бодрийяр, Ж. (2004). К критике политической экономии знака. М.: Библион.– Русская книга
12. Бодрийяр, Ж. (2000). Соблазн.М.: Ad Marginem.
13. Гегель, Г.В.Ф. (1959). Феноменология духа // Сочинения. Т. IV. М.
14. Кант, И. Критика чистого разума (1964) // Сочинения в шести томах. Т.3. М.: "Мысль".- С.68-756.
15. Касавин, И.Т. (2006). Дискурс-анализ как междисциплинарный метод гуманитарных наук // Эпистемология и философия науки. Т.X. №4.
16. Кашкин, В.Б. (2003). Основы теории коммуникации. Воронеж: Изд-во ВГУ.
17. Левина, Г.М. (2003). Обучение иностранцев русскому инженерному дискурсу. М.: Янус-К.
18. Леви-Стросс, К. (2007). Мифологики: от меда к пеплу. М.: FreeFly.
19. Леви-Стросс, К. (2007). Мифологики: человек голый. М.: FreeFly.
20. Леви-Стросс, К. (1983). Структурная антропология. М.
21. Пропп, В.Я. (1998). Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт.
22. Седов, К.Ф. (2004). Дискурс и личность. М.: Лабиринт.
23. Серио, П. (2001). Анализ дискурса во Французской школе [Дискурс и интердискурс] // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. М.: «Академический Проект»; Екатеринбург: «Деловая книга».
24. Соболева, М.Е. (2005). Философия как «критика языка» в Германии. СПб: Изд-во СПбГУ.
25. Филлипс, Л., Йоргенсен, М. (2004). Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков.
26. Фуко, М. (2004). Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия.
27. Фуко, М. (1996). Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.
28. Фуко, М. (2006). Дискурс и истина. Минск: «Пропилеи».